

ТРЕТИЙ
ЧЕМПИОНАТ ФАБУЛЫ
по прозе

*Сборник
рассказов*

ЗАНЯВШИХ
ПРИЗОВЫЕ МЕСТА

Fabulae дебют!

Александр Паршин

**Третий чемпионат
фабулы по прозе**

«Издательские решения»

Паршин А.

Третий чемпионат фабулы по прозе / А. Паршин —
«Издательские решения»,

В сборнике представлены лучшие рассказы литературного конкурса «Третий чемпионат фабулы по прозе». В него вошли только призёры этапов. В этом году чемпионат состоял из отборочного и пятнадцати жанровых туров. Отборочный выявил шестнадцать сильнейших авторов, и они продолжили соревнование. В процессе конкурса состав участников иногда менялся, но на замену приходили лучшие и продолжали борьбу. На каждом этапе определялись победители. Рассказы-призёры, по оценкам судей, и вошли в данный сборник.

© Паршин А.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	7
Отборочный тур	8
Владимир Вишняков.	8
Валентин Иванович Филиппов.	16
Владимир Алексеев.	20
Артём Квакушкин.	23
Александр Теущаков.	24
Первый тур. Сказка	26
Александр Паршин.	26
Татьяна Сунцова.	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Третий чемпионат фабулы по прозе
Сборник рассказов,
занявших призовые места
Александр Паршин
Татьяна Лаин
Ольга Черниенко
Александр Dalahan
Татьяна Сунцова
Владимир Вишняков
Валентин Иванович Филиппов
Гузель Рахматуллина
Владислав Александрович Диаров
Дмитрий Коробков
Владимир Серов
Артём Квакушкин
Андрей Кудряшов
Алина Бестужева
Виктор Ягольник
Владимир Алексеев
Александр Теущаков
Илона Соболева
Колян Платков

© Александр Паршин, 2016

© Татьяна Лаин, 2016

© Ольга Черниенко, 2016

© Александр Dalahan, 2016

© Татьяна Сунцова, 2016

© Владимир Вишняков, 2016

© Валентин Иванович Филиппов, 2016

- © Гузель Рахматуллина, 2016
- © Владислав Александрович Диаров, 2016
- © Дмитрий Коробков, 2016
- © Владимир Серов, 2016
- © Артём Квакушкин, 2016
- © Андрей Кудряшов, 2016
- © Алина Бестужева, 2016
- © Виктор Ягольник, 2016
- © Владимир Алексеев, 2016
- © Александр Теущаков, 2016
- © Илона Соболева, 2016
- © Колян Платков, 2016

Составитель Александр Русанов

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие от составителя сборника

Уважаемые читатели, представляю на ваш суд лучшие рассказы литературного конкурса «Третий Чемпионат Фабулы по прозе». В него вошли только рассказы, занявшие места с первого по третье в каждом из этапов соревнования. В этом году Чемпионат состоял из отборочного и пятнадцати жанровых туров. Конкурс оценивала бригада из пяти судей. Отборочный выявил шестнадцать лучших, и они продолжили соревнование. В процессе конкурса состав авторов иногда менялся, но на замену приходили лучшие из параллельного конкурса «Альтернативный Чемпионат Фабулы по прозе», и продолжали борьбу. На каждом этапе определялись места, которые заняли произведения в туре. Рассказы, занявшие места с первого по третье по оценкам судей и вошли в данный сборник. http://fabulae.ru/authors_b.php?id=4212

*Главный судья Чемпионата Фабулы по прозе и Первенства Фабулы Александр
Русанов*

Отборочный тур

Владимир Вишняков.

Два письма

*Ведь это так важно знать
что тот, кого ты ждёшь, обязательно вернётся, несмотря даже
на всемирные законы*

Лондон, 1825 год

В просторной гостиной в викторианском стиле за вечерним чаем в доме лорда Дэвидсона сегодня принимали гостя. Майор Эдвард Уилсби, давний друг семьи, накануне прибыл из Индии.

– Мы чрезвычайно рады снова видеть вас в нашем доме, майор, – проговорил лорд Дэвидсон.

– Сэр, позвольте поблагодарить за столь любезное приглашение. Безмерно рад встрече с вами, вашей прекрасной супругой леди Маргарет и юной леди Мэри, – учтиво улыбнулся Уилсби. – Особенно счастлив оказаться в столь уютном обществе после посещения Индии.

– В Индии сейчас беспокойно, мистер Уилсби? – с тревогой спросила майора супруга лорда.

– Да, мэм. Поездка была напряжённой. Ост-Индская компания испытывает значительные препятствия по продвижению в Индии, во многом из-за ситуации с Бирмой.

– Ох уж эта Бирма, – раздражённо вздохнул лорд Дэвидсон. – Вот уже больше года генерал-губернатор Индии не может справиться с кучкой туземцев! Право, это начинает утомлять не только меня, но и других членов Парламента.

– Позволю себе некоторое уточнение ситуации, сэр, – произнёс майор, опустив взгляд. – Бирманская армия, несмотря на старое оружие, достаточно хорошо организована. Мой давний друг и сослуживец капитан Сэлман участвовал в последних столкновениях с бирманцами в Аракане, на границе с Индией. Он отметил их высокий боевой дух и храбрость.

При этих словах майора на лице Дэвидсона отразилась брезгливость.

– Не думаю, что само понятие храбрости может быть применимо к этим азиатским варварам. К тому же, насколько мне известно, после высадки нашего экспедиционного корпуса на юге бирманцы оставили Аракан и вынуждены обороняться в Рангуне.

– Это так, сэр, – кивнул Уилсби. – И эта оборона длится уже почти год. К сожалению, корпус генерал-майора Кэмбелла несёт большие потери.

При этих словах офицера Мэри, дочь лорда Дэвидсона, выронила чайную ложечку. Прибор громко звякнул, ударившись о край блюда.

– Прошу прощения, – тихо проговорила девушка. – Скажите, мистер Уилсби, а каковы последние известия из Рангуна?

– Юная леди интересуется политикой? – удивился майор.

Лорд с улыбкой взглянул на Мэри и произнёс:

– Моя дочь обладает широким кругозором и множеством талантов.

– Не сомневаюсь, что свою любознательность леди наследовала от вас, сэр, – улыбнулся Уилсби и ответил на вопрос девушки: – Действительно, последние сообщения из Рангуна обнадеживают. Сообщают, что командующий бирманской армией генерал Бандула убит. Думаю, сопротивление бирманцев вскоре будет сломлено.

Мэри вежливо улыбнулась и поблагодарила майора.

– А какие они, эти бирманцы? – спросила с интересом супруга лорда. – То же, что и китайцы? Или как индийцы?

– Нет, – ответил Уилсби. – Внешностью схожи с китайцами, но по сути совсем иные. Маленький, но гордый народ. От китайца или индийца вы вряд ли увидите столько презрения и пренебрежения к европейской культуре, которые способен выразить бирманец. Представьте: в Бирме верят, что их обычаи более прогрессивны, чем европейские.

– Но это, право, черта дикарей, – недовольно проговорил Дэвидсон.

Майор решил не противоречить лорду и сменил тему беседы.

Сегодняшний вечер был необычен тем, что в пасмурном и мрачном Лондоне незадолго до заката вдруг выглянуло солнце. Его косые лучи скользнули по тёмной решётке камина. Изысканные тяжёлые гобелены в золотом вечернем свете как бы утратили свою величавость, сделав обстановку в комнате более уютной.

Мэри сидела за столиком из красного дерева, перед зеркалом в изысканной резной оправе. На столе стояла пара шкатулок и ларь с многочисленными подарками от отца: украшениями и разными другими дорогими вещами. Лорд Дэвидсон любил свою единственную дочь безмерно и нежно, как любят редкий и дорогой цветок. Отец ни в чём не отказывал Мэри и, несмотря на строгость характера, свойственную ему как политику, никогда не позволял себе даже повысить голос на любимую дочь. Желая ей самого счастливого будущего, лорд Дэвидсон, однако, не мог знать, сколько печали кроется в сердце юной и такой одинокой девушки.

В сотый раз перебирая бусы и серьги из дорогих заморских камней и золота, Мэри старалась не расплакаться – её слёзы не для родителей... Вот луч солнца коснулся края столика и узорной рамки зеркала. Девушка вдруг улыбнулась. Она вспомнила, как Роберт делился с ней впечатлениями о своей первой военной экспедиции в Индию. Будучи солдатом колониального корпуса, он рассказывал, как необычно для англичанина видеть солнце каждый день...

Роберт любил юную леди Дэвидсон. А она чувствовала себя виноватой в том, что именно по этой причине он сейчас рискует своей жизнью на военной службе в далёкой Азии.

– Я обязательно женюсь на тебе, обязательно! – жарко шептал Роберт, сидя рядом с Мэри на скамейке в саду особняка лорда Дэвидсона, куда он проник тайно.

– Моя нежность к тебе безмерна, – шептала в ответ она, – но ты знаешь моего отца... Он не позволит нам...

– Это поправимо! Поправимо, моя милая Мэри! – отвечал молодой человек, крепко сжимая тонкое запястье девушки. – Пусть я небогат, но военная служба даст мне возможность стать офицером. Твой отец очень уважает людей военного сословия...

– Роберт, я не могу так, – опустила взгляд Мэри. – Ты говорил: твой отец хочет, чтобы ты последовал его традиции и стал пастором. Я не хочу, чтобы из-за меня...

– Да, я хотел стать служителем церкви, – перебил девушку Роберт, – но встретив тебя, понял, что живу только ради того, чтобы быть с тобой... Потому сейчас я вынужден покинуть тебя – на время. Набирают добровольцев в экспедицию в Ост-Индию. Это мой шанс. Наш шанс когда-нибудь быть вместе...

Это было год назад. Уже больше двенадцати долгих месяцев Мэри не видела возлюбленного. Не знала, что с ним. Не знала даже, может он...

В груди так тягостно сжалось сердце. Так же тягостно, как сегодня во время вечерней беседы с майором Уилсби, когда он рассказал о тяжёлой военной ситуации в Бирме. В последнем письме, написанном почти четыре месяца назад, Роберт сообщил, что их корпус вероятно перебросят из Калькутты именно в Бирму...

В комнату вбежала горничная.

– Госпожа! Госпожа! Пришло! Оно пришло...

Мэри резко поднялась из-за столика.

– От Роберта? – почти шёпотом от неожиданного волнения спросила леди.

– Да!

Горничная протянула юной госпоже небольшой конверт.

– О Боже... – девушка нежно провела пальцами по надписи на конверте. Это был его почерк... Мэри строго взглянула на служанку. – Пенни, отец не заметил тебя?

– Что вы, госпожа, что вы, – замахала руками горничная.

– Хорошо, – улыбнулась девушка. – А теперь ступай и следи, чтобы отец или мать не зашли случаем ко мне в комнату.

– Конечно, госпожа.

Пенни вышла, затворив за собой дверь.

Тяжело дыша, Мэри села за столик и вскрыла конверт. На листе серой бумаги знакомым и таким любимым почерком было написано её имя. Слёзы счастья застыли в её глазах...

«Здравствуй, моя милая Мэри! Не имел возможности отправить тебе письмо последние два месяца. Представляю, как ты волнуешься, и прошу у тебя прощения за эту боль.

Как я и думал, долго отсиживаться в Калькутте нам не пришлось. Сейчас я пишу тебе из Рангуна – это город в Бирме. Нас предупреждали, что кампания в Бирме может быть тяжёлой, но я всё же согласился. Это реальный шанс получить внеочередное повышение и дополнительное жалование. Ты знаешь: я небогат и не из знатной семьи. Поэтому военная служба – единственный шанс стать достойным твоей руки в глазах твоего отца. Прошу тебя помнить об этом. Всё это – только ради нашего с тобой будущего.

В составе пополнения мы прибыли в Рангун три недели назад. Положение наше тяжёлое. Рангун практически обезлюдел: после высадки нашего корпуса почти все местные жители покинули город. Судя по всему, многие из них сформировали партизанские отряды, которые нападают внезапно, чаще по ночам. Перестрелки и мелкие стычки с бирманцами изматывают, хотя в целом дни и часы проходят мучительно и монотонно... Бирманцы отчаянно сопротивляются, хотя это – далеко не самая горькая из бед. Не хватает продовольствия и лекарств. Лазареты переполнены: солдаты гибнут от болезней. Недавно в моей роте несколько человек заболели и умерли. Медик заподозрил, что это холера. Я уже видел, как погибают мои товарищи на поле боя, но смерть от болезни вдаль от родины ужаснее в разы... Да и эта война не представляется мне чем-то доблестным или необходимым. Я не имею ничего против этого народа, моя милая леди. Я не политик, а просто солдат...

Иногда, признаюсь, мне страшно, что и я могу умереть здесь, не увидев более тебя, моя милая Мэри. Но я гоню от себя эти мысли. Тем более, что мы, вероятно, скоро вернёмся обратно в Англию. Часть нашего корпуса продвинулась вверх по реке Иравади, к столице Бирмы. Скоро бирманцы вынуждены будут сдаться.

Хочу рассказать тебе об одном случае. Две недели назад, ночью, патрулируя пригород, я заметил у колодца троих бирманцев. Возможно, они хотели отравить воду. Я выстрелил – завязалась перестрелка. Через пару минут на помощь подоспели ребята из моего отряда, и двое бирманцев убежали. Но третий убежать не успел и накинулся на меня. Я ударил его, и он упал. Признаюсь: направив на него ружьё, я чуть не выстрелил. Что остановило меня? Понимаешь, Мэри, в пылу схватки часто не думаешь ни о чём: просто сражаешься, понимая, что если не убьёшь врага – то сам будешь убит. Но когда я уже держал этого бирманца на прицеле, мне помешал нажать на курок его взгляд. О чём думает человек перед лицом смерти? О своём страхе. Да, в его глазах был страх. Страх и отчаяние. Но это не было просто страхом умереть – тут было нечто иное... Подоспели мои товарищи. Мы решили взять бирманца в плен.

Утром я доложил о пленном капралу. Капрал посчитал этого бирманца бесполезным и приказал расстрелять его.

Дождавшись темноты, я повёл пленника к тому месту, где накануне у нас случилась стычка. И снова я увидел что-то странное в его глазах. Наверно, он осознавал свою участь. Но взгляд его выражал не страх перед смертью.

Дойдя до колодца, я развязал бирманцу руки. Он был очень удивлён. Знаешь, о чём жалел я в тот момент? О том, что не знаю его языка и не могу спросить, что значат тоска и боль в его глазах...

Опустив ружьё, я сел на траву. Удивлённый бирманец последовал моему примеру. «А может, всё же удастся *спросить*?» – промелькнула в моей голове мысль.

Я указал на свои глаза, а потом – на его, не надеясь, что мой вопрос в форме жеста будет понят. Но, к моему удивлению, пленник вдруг улыбнулся и приложил руку к груди – туда, где сердце. И тогда я понял...

Не о своей жизни грустил он, понимая накануне, что я вот-вот спущу курок.

Бирманец улыбнулся и указал пальцем на яркую луну в небе над нами, а затем – на свои глаза.

«Её взгляд прекрасен, как свет луны», – промелькнуло в моей голове...

Пленник аккуратно коснулся зелёной травы, а потом провёл рукой по своему предплечью.

«Её кожа нежна, как молодая трава», – подумал я...

Бирманец закрыл глаза, опустил голову и крепко прижал к груди смуглую ладонь.

«И моё сердце навсегда принадлежит только ей одной». Я понял это так ясно, как будто он сам сказал это...

Бирманец снова смотрел на меня, и теперь в его взгляде не было страха. Я раскинул руки, а потом указал в сторону, откуда он пришёл накануне со своими товарищами.

Пленник снова приложил правую кисть к груди, а потом указал туда же.

«Она там, откуда я пришёл. Она ждёт меня».

Он улыбнулся, а потом, похлопав по груди себя, указал пальцем на моё сердце. Задав этот немой вопрос, он наклонил голову, ожидая ответа. Я приложил руку к сердцу, а потом указал в сторону океана... Туда, где где-то очень далеко меня ждёшь ты, моя милая Мэри... Бирманец улыбнулся очень радостно, закивал. Невероятно, но он понял... Он понял всё.

Вспомнив о приказе, я уже понимал, что не смогу убить этого человека. Человека, который любит.

Я знал, что никому не будет дела до этого бирманца, что никто не проверит, убил ли я его или нет.

Я отпустил его.

Странное чувство, Мэри. Вынужденные общаться лишь жестами, мы и не чувствовали необходимости что-то говорить друг другу на словах. Он оставил кого-то там, на севере, и тот страх в его глазах, когда я чуть не выстрелил, был страхом больше никогда не встретиться с той, кто ему дорог. Это так знакомо мне, моя милая леди...»

Бирма

Солнце медленно двигалось к закату, освещая небольшую рыбацкую дерегушку в пятидесяти шагах от берега Иравади. У одной из простых хижин на плетёной циновке сидел мальчик лет десяти. Коротко стриженные волосы выдавали в нём начинающего послушника буддийского монастыря. Мальчик был поглощён делом. В руке он держал небольшой нож и продолговатую деревянную заготовку. Куску дерева, по замыслу молодого мастера, предстояло стать дудочкой. Бо Сан – так звали мальчика – загорелся желанием приобрести чудесный музыкальный инструмент, когда увидел такую дудочку у монаха по имени Чан До. Звуки, издаваемые простой полый палочкой с несколькими отверстиями, когда на ней играл Чан До, были настолько прекрасны, что даже птицы отвечали на них своими трелями.

Поражённый Бо Сан спросил у монаха:

– Скажи, где можно достать такую дудочку?

Монах улыбнулся и указал на ближайшее дерево:

– Да вот же их сколько. Бери любую.

Мальчик недоумённо взглянул на Чан До:

– Где же? Я вижу только дерево...

– Каждая из ветвей дерева – дудочка. Приглядишься...

И вот уже неделю юный Бо Сан часами сидел с ножиком в руке, пытаясь превратить простую ветку в источник музыки.

«Ничего не получается, – с досадой думал мальчик. – Вот если бы Тан был здесь, он бы помог мне! И зачем он ушёл? Я скучаю по нему. Как здорово мы с ним рыбачили... Да и сестра скучает...»

Бо Сан вздохнул и посмотрел в сторону реки. У причала, кроме рыбацких лодок, стояли две большие баржи, приплывшие с юга.

«На такой же барже Тан уплыл вниз по течению», – с грустью вспомнил мальчик о парне, жившем в хижине по соседству. Тан, восемнадцатилетний послушник при монастыре, был его другом и другом его сестры Тин Лу. Десятилетний Бо Сан учился в монастыре грамоте. Иногда Тан и Бо Сан читали древние тексты вместе. Мальчик привязался к старшему товарищу и очень не хотел, чтобы Тан становился монахом. «Женись на моей сестре! – однажды сказал мальчик молодому послушнику. – Тин Лу очень добрая и заботливая». «Всё очень сложно, мой друг, – задумчиво ответил тогда Тан. – Ты знаешь: я должен стать монахом».

Бо Сан был очень расстроен. Потому что видел, как его сестра смотрит на Тана при встрече, а однажды услышал, как ночью она шептала его имя и плакала...

И вот четыре месяца назад, когда с юга пришла новость о том, что англичане, уже захватившие соседнюю Индию, начали войну на юге и хотят завладеть прибрежным городом Янгоном, Тан решил отправиться на юг и воевать против англичан. Бо Сан вспомнил, как таким же солнечным вечером его друг о чём-то разговаривал с Тин Лу на причале, а потом, махнув рукой, запрыгнул на баржу и уплыл вниз по Иравади, на юг. Туда, где война.

«Поскорей бы Тан вернулся, – с грустью и досадой думал Бо Сан, снимая стружку с ветки. – А когда он вернётся, он обязательно поможет мне доделать дудочку. И женится на Тин Лу. И мы снова будем вместе рыбачить...»

Со стороны причала к хижине бежала девушка в цветном платье. В её тёмные волосы был вплетён большой алый цветок, какие росли у самой воды на реке.

– Бо Сан! Бо Сан!

Сидящий на циновке мальчик пригляделся. Это была его сестра.

– Бо Сан! Наконец-то... От Тана!

Мальчик соскочил и, подбежав к Тин Лу, взволнованно спросил:

– Письмо? От него?

– Да! Да! – улыбалась радостно девушка, сжимая в руках лист жёлтой бумаги. – Брат, прочти для меня! Прочти!

– Неужели правда Тан написал? – обрадовался мальчик, разворачивая письмо.

Тин Лу кивнула:

– Написал! Читай же! Читай!

Брат и сестра присели у входа в дом. Бо Сан читал.

«Здравствуй, Тин Лу! Сейчас я нахожусь чуть севернее Янгона. Узнав, что одна из барж поплывёт на север, я написал это письмо и попросил Маун Пэ – это мой друг – доставить его тебе. Он обещал, что обязательно найдёт тебя и передаст это письмо.

Не беспокойся за меня. Я жив. У нас было несколько боёв с англичанами и индийцами, которые им помогают. Я не хотел быть воином, но уверен, что это мой долг – бороться с теми,

кто захотел захватить нашу землю. Ты знаешь, я покинул монастырь. Учитель не одобрил моего выбора, сказав, что меня захватили страсти этого мира. Я говорил с ним, объяснял, что мы должны бороться против англичан. В какой-то момент учитель вдруг посмотрел на меня – и взгляд его наполнился лукавой искрой.

«Ты хотел бы скрыть от меня также и иную причину своего желания покинуть храм», – произнёс он.

Знаешь, Тин Лу, учитель был прав. Я осознал ещё кое-что, когда принял решение оставить родной край. Осознал, как буду скучать по тебе: по твоей улыбке, по твоему взгляду. Тин Лу, если я вернусь домой, я больше не пойду в монастырь. Я попрошу тебя стать моей женой.

И этой мыслью я живу всё это время. В боях и стычках иногда бывает очень страшно, признаюсь тебе, но оттого мне ещё сильнее хочется победить англичан – чтобы поскорее вернуться, снова увидеть тебя и твою улыбку.

Тин Лу, я жив именно благодаря мыслям о тебе. Вот что произошло некоторое время назад, когда мы были под Янгоном.

Меня и ещё двух моих товарищей направили на разведку в пригород. У нас было задание выяснить примерное расположение и численность англичан. Но нас постигла неудача: мы наткнулись на вражеский патруль. Англичан было больше, человек семь. Мои товарищи растерялись и обратились в бегство. В темноте я отстреливался, но внезапно получил удар от незаметно приблизившегося ко мне солдата. Я выронил оружие и упал. В руках англичанина было ружьё, которое он направил на меня. Если бы я не знал тебя, я бы испугался, я бы закрыл глаза, чтобы не видеть своего последнего мига. Но я должен был взглянуть в глаза тому, кто сейчас прервёт мою жизнь, кто сейчас отнимет у меня шанс ещё раз увидеть тебя, Тин Лу.

И тогда произошло нечто необычное. Солдат как-то странно посмотрел на меня, потом оглянулся. Опустил оружие. Он должен был убить меня, но почему-то не сделал этого. Помню, я прошептал очень тихо одно слово: «Почему?». Солдат вряд ли услышал, а если бы и услышал, то не понял бы.

Меж тем подошли остальные солдаты. Тот, который взял меня в плен, что-то спросил у старшего. Их командир вначале покачал головой, но после ещё одной фразы солдата всё же неохотно кивнул и отдал команду взводу. Англичане отвели меня в свой лагерь и посадили в яму, выставив у неё часового. Там я провёл ночь и следующий день, ожидая своей участи.

Вечером тот же солдат (но на этот раз почему-то один) повёл меня к колодцу. Я ждал удобного случая, чтобы вырваться и убежать – потому что понимал: ему приказано убить меня. Однако дойдя до колодца, солдат жестом велел мне остановиться. Тогда он подошёл и снял с моих рук верёвки. Затем англичанин спокойно отложил ружьё в сторону и сел на траву. Я не понимал, чего он хочет от меня. Разум говорил мне: «Это твой шанс! Хватай оружие! Или просто беги!». Но странное поведение англичанина смутило меня. Неужели он выстрелит в спину, если я побегу? Знаешь, Тин Лу: эти англичане хуже самых презренных дикарей. Однажды я видел издали, как они издеваются над пленными, смеясь и потешаясь над их страданиями, будто они не люди, а лесные обезьяны... Но этот европеец показался мне странным ещё с того дня, когда он взял меня в плен – ведь он почему-то тогда не нажал на курок. И я решил посмотреть, что задумал этот чужеземец. Если бы он придумал какую-нибудь пытку для меня – у меня в любом случае был бы шанс сразиться с ним.

Я медленно опустился на траву и посмотрел на солдата выжидающе. Англичанин показал пальцем на свои глаза, а потом – на мои, кивнув в сторону своего ружья. Очевидно, он хотел узнать, почему я так смотрел на него накануне, когда он угрожал мне оружием. Я и не знал, как рассказать ему об этом. Как рассказать ему о тебе?

Я приложил руку к сердцу. Солдат странно улыбнулся и кивнул, ожидая ещё чего-то. Над головой ярко светила луна. Мне вдруг отчётливо представились твои глаза, прекрасные, как её сияние... Моя ладонь касалась мягкой зелёной травы, нежной, как твоё прикосновение. Как я

мог рассказать об этом чужеземцу?.. Я приложил к груди ладонь. Мне подумалось вдруг, что и этот человек, откуда бы он ни пришёл, тоже чувствует сердцем.

Англичанин улыбнулся, показал ладони, а потом указал пальцем на север. Неужели он понял, что я говорил о тебе? Я улыбнулся и кивнул. Да! Там, далеко, откуда несёт свои воды великая Иравади – там ты, моя Тин Лу, ждёшь меня. И даже этот чужак теперь знает об этом!

Этот человек – враг мне и моей земле – понимал, что движет мной, понимал так же ясно, как и я сам. Значит, и он... Отняв ладонь от своей груди, я указал на его сердце. И солдат ответил мне. Его рука указала на запад.

Я кивнул. Теперь я понимал, что его ждут там. Ждут с такой же печалью и нежностью. Ждут с такой же надеждой, с которой меня ждёшь ты. Я улыбнулся.

Солдат поднялся с земли, взял своё оружие, улыбнулся мне в ответ и направился прочь.

Я сидел на траве. В этот момент я осознал, что моя война только что закончилась. И я возвращаюсь – возвращаюсь к тебе.

Обними за меня Бо Сана. Скажи, что скоро мы с ним встретимся. Как и с тобой, моя Тин Лу.

Жди меня».

Мальчик дочитал письмо. Девушка в цветном платье сидела молча. Её взгляд был устремлён в сторону великой реки. В глазах её блеснули слёзы.

Лондон

Лето наполняло деревья новой жизнью. Мэри сидела на каменной скамейке в саду. Над скамейкой был навес, защищавший от солнца. Девушка не любила его: он мешал видеть небо. Но в эти минуты ей было это неважно. Проснувшись сегодня утром, юная леди ощутила, как последняя надежда оставляет её измученное разлукой и одиночеством сердце. Она не знала, что будет делать, если вдруг узнает, что больше не увидит Роберта...

Где-то справа со стороны забора вдруг раздался едва слышный шорох, потом звук сломанной ветки. Мэри прислушалась. Неужели...

– Кто это? – прошептала девушка.

Сердце её вдруг так томительно и радостно замерло. Она не верила, что это случится. Случится прямо в этот миг, после бесконечных недель и месяцев тоски и одиночества.

– Роберт? Роберт!

Из-за густой листвы долговязого дуба, росшего почти у самого забора, показалась фигура мужчины в песочной военной форме.

– Роберт!

Офицер увидел Мэри и бросился к ней. Через миг она оказалась в его объятиях.

– Прости, прости меня, – шептал мужчина, покрывая поцелуями бледное лицо своей возлюбленной. – Прости, что меня так долго не было рядом...

– Ты вернулся, – шептала в ответ Мэри, – вернулся...

Неожиданно за спиной Роберта раздался быстрый шаг. Он почувствовал, как Мэри испуганно отстранилась от него, и обернулся.

В двух шагах от них стояли лорд Дэвидсон – отец Мэри – и садовник.

– Вот, сэр! – с неким торжеством воскликнул последний. – Я же говорил, что слышал шум...

– Можешь идти, – властно скомандовал садовнику хозяин дома, не поворачивая головы.

Слуга поспешно ретировался. Лорд, сложив перед собой руки, кинул суровый взгляд на человека в военной форме.

– Отец, – произнесла Мэри. – Позволь представить тебе...

– Не надо, – резко прервал девушку лорд. – Я полагаю, что мужчина военного сословия – если он носит эту форму по праву – найдёт в себе силы представиться, это первое. И второе: он постарается объяснить, почему проник в мой дом тайно, словно вор.

– Отец... – испуганно прошептала юная леди, но не посмела продолжить.

Офицер сделал шаг вперёд и по-военному вытянулся.

– Сэр, моё имя Роберт Хаксли, – произнёс он. – Этот мундир я ношу по праву, так как являюсь лейтенантом армии Его Величества.

– Что ж, – оглядев офицера, сказал лорд Дэвидсон. – А что касается второго моего вопроса?

– Приношу свои глубочайшие извинения, сэр, – спокойно ответил Роберт, – за столь неучтивое вторжение в ваш сад. Дело в том, что я только что вернулся в Англию из военной экспедиции, длившейся больше года. Всё это время я мечтал увидеть леди Мэри... Простите, сэр. Не имея чести быть знакомым с вами, я не имел и права войти в ваш дом через дверь.

Лорд едва заметно улыбнулся. Ответ молодого офицера понравился ему.

– Где же вы воевали, если не секрет? – осведомился Дэвидсон.

– В Бирме, сэр.

Неожиданно в разговор вмешалась Мэри.

– Отец, если позволишь, лейтенант Хаксли мог бы рассказать нам о своей службе за чашкой чая.

Произнеся это, девушка ещё больше побледнела, вспомнив вдруг о крутом нраве отца. Однако лорд не сдержал улыбки.

– Что ж, думаю, это не самая плохая идея, – ответил Дэвидсон. – Но прежде чем вы войдёте в мой дом, юноша, пообещайте мне, что больше не будете лазать по заборам. Тому, кто воевал во славу Его Величества в Бирме, вряд ли к лицу пробираться в мой дом через сад. В следующий раз воспользуйтесь парадной дверью.

Мэри улыбнулась.

Роберт чётко ответил:

– Слушаюсь, сэр!

Бирма

Великая Иравади неспешно несла свои воды к далёкому югу. На берегу сидела девушка с алым цветком, вплетённым в чёрные как смоль волосы. Её печальное лицо было обращено к закатному солнцу.

К берегу медленно причалила очередная большая баржа. Тин Лу пригляделась. С баржи на берег торопливо сошли несколько мужчин. Один из них был высоким смуглым юношей. Его внимательные глаза оглядывали причал.

Девушка вскочила с земли и бросилась к тому, кого ждала бесконечными днями и ночами.

– Тан! – прокричала она. – Тан!

Мужчина повернулся на голос и побежал навстречу.

Валентин Иванович Филиппов.

Андрей из Магадана

В угрюмую ночь, продуваемую ледяным ветром, в интеллигентной семье, в самый расцвет развитого социализма, родился мальчик. Мать – педагог средней школы, отец – музыкант-клавишник. Одарённый человек – он писал музыку и преподавал в городской музыкальной школе. Средняя семья со средним достатком, проживающая в трёх комнатной квартире.

Родители окружили любовью и заботой желанного ребёнка. Им помогали бабушки, сумевшие сохранить остатки здоровья и разума, что редко бывает у людей, переживших суровые испытания.

Мужчины, дедушки, этого ребёнка, ушли из жизни раньше, лишний раз подтвердив то, что женщины в экстремальных условиях гораздо выносливее представителей противоположного пола.

Судьба на этом ребёнке не отдыхала, а передала ему всё, что накопилось в его предках, которые против собственной воли обжили суровый край. Построили города, шахты, рудники, заводы. Эти люди не сломались под ударами судьбы.

Предки малыша, остались людьми с большой буквы, в суровых условиях создали семьи, родили детей. Вот он – внук, уроженец сурового края. Здоровый, сильный ребенок, окруженный заботой и нерастроченной любовью.

Мальчика нарекли Андреем. Он рос, выполняя все, что положено ребёнку его возраста. Настало время прививок, а вместе с ними пришла беда. После плановой прививки мальчика парализовало. На фоне неудачной прививки у Андрея развился церебральный паралич. Горе сломало бабушек и вскоре они, одна за другой, ушли из жизни, оставили детей с горем в виде парализованного Андрюшки.

Мать оставила работу и занялась ребёнком. Отец официальную работу не бросил. Днём он преподавал в школе, а вечерами играл в ресторанах, зарабатывая живые деньги, которые все уходили на лекарства.

Андрей стал центром семьи, ради него и для него жила эта семья.

Благодаря заботам матери и её неустанному труду, Андрюшка встал на ноги, в пятилетнем возрасте. Недоразвитые рука и речь говорили о его болезни. Правая рука едва двигалась и отставала в росте. Исказились черты красивого лица, на правой стороне живым остался только один глаз.

Глаза... Не зря кто-то из великих и мудрых людей сказал: «Глаза – зеркало души».

Бездонная глубина открывалась в детском взоре. Мать оберегала своё чадо от лишней информации. Она догадывалась, что её сын прекрасно понимает и серьёзно оценивает состояние своего тела и не делает из этого трагедии. Когда Андрюшку выпускали во двор, он в играх не отставал от сверстников, а в различных затеях был лидером.

Пришло время, Андрей пошел в школу, быстро обучился писать левой рукой и по остальным предметам не отставал от сверстников.

Впоследствии Андрей в числе лучших учеников окончил среднюю школу, немного не дотянув до золотой медали. При этом отлично ладил с окружающим миром.

Обычно инвалидов такого типа называют «людьми с ограниченными возможностями». Правая рука у Андрея так и осталась неразвитой. Пальцы на ней были скрючены и малопо-движны.

Но Андрей ухитрялся одной рукой делать то, чего не могли достичь его сверстники двумя руками.

Он, как признание, получил от сверстников прозвище «Человек с неограниченными возможностями». Это было справедливо.

Прошла реабилитация, родители Андрея переехали в среднюю полосу России. Обзавелись квартирой в областном городе и продолжали жить дальше.

Мама Андрея работала в школе, отец к преподавательской деятельности не вернулся и играл в ресторанах. Там он зарабатывал хорошие деньги. Гораздо больше, нежели платили учителям. Андрей поступил в политехнический институт и проучился полный курс и окончил институт с красным дипломом.

Время превратило неугомонного мальчишку во взрослого парня с умными глазами, но неприятным, отталкивающим выражением лица. Из правого рукава футболки свисало отвратительное подобие руки со скрюченными пальцами. Когда Андрей надевал пиджак, это становилось не заметно. Но пиджак или куртку приходилось иногда снимать, вид недоразвитой руки ввергал неподготовленных людей в шок.

Детская прививка отразилась не только на лице и руке, походка тоже была испорчена: Андрей при ходьбе прихрамывал.

Если не обращать внимания на внешность и строение тела, то перед нами был человек-умница, одарённый инженер электронщик, программист от Бога! Но на работу его не брали, по причине внешнего вида.

Он научился зарабатывать деньги сам. Освоил Интернет. Освоил его так, как и не снилось продвинутым хакерам. Но в криминал не лез.

Открыл специализированный сайт, куда ему потихоньку капали деньги.

У него была пенсия инвалида детства, но хотелось полноценной работы среди людей.

Андрей изменил причёску. Волосы цвета спелой пшеницы, кудрями рассыпались по плечам.

Он их зачёсывал так, что они скрывали изуродованную половину лица.

Усы и испанская бородка скрывали парализованную часть губ, но уродство, как назло, прорывалось на свет божий в самый неподходящий момент. Испуганные клиенты уходили, хозяева салонов по продаже электронной техники увольняли Андрея, дабы он своим страшным видом не отпугивал покупателей.

Андрею с его специальностью и его данными можно было работать где-либо в НИИ. Но их не стало в наше коммерческое время.

Приходилось наниматься к хозяйчикам, которым нужен сиюминутный доход, а не качественное обслуживание электронной техники. После очередного увольнения сердце Андрюшкиной матери не выдержало. Анна Михайловна умерла от сердечного приступа. Андрей стал сиротой.

С отцом парень почти не виделся. Когда Андрей приходил домой, отец собирался и уходил на работу. А после того, как схоронили мать, родитель ушел в длительный запой.

Последние годы отец приходил под утро пьяным, закрывался в своей комнате, спал до вечера, чтобы снова уйти из дома на всю ночь.

Чувство вины перед ребёнком переросло в какое-то иное отношение, которое трудно описать.

Контакта между отцом и сыном не стало. Они просто жили под одной крышей, не делясь друг с другом своими заботами.

При живом отце Андрей стал полным сиротой. Хотя к чему мы это говорим? У нас большая часть российских детей растёт в неполных семьях, а количество беспризорников гораздо больше, чем после революции 1917 года и войны 1945 вместе взятых.

Андрей уже взрослый, и звание «сирота» звучит как-то неуместно. Мужчиной он стал, будучи зрелым парнем.

Нанял девицу лёгкого поведения, настоящую профи. Но даже она с трудом перешагнула через чувство отвращения к уродству этого тела.

Андрей понимал, что ей стоит великих усилий отработать те деньги, которые девушка получила за свой труд.

Больше он к подобным опытам не прибегал, но тяга к обладанию противоположным полом в нём не угасала. Страшный укол на гормональное развитие не повлиял, а даже как-то наоборот. Стремление к обладанию было очень сильным.

Он знакомился, пытался дружить с девушками, но внешний вид перечёркивал всё положительное, что в нём сохранилось от удара судьбы.

Странное дело: в нём жило отвращение к продажной любви. При своём неадекватном виде Андрей стремился к чистым и искренним чувствам.

Дружить с ним – дружили и, как могли, пользовались его дружбой.

С друзей он не брал ни копейки, бесплатно отлаживал, настраивал и ремонтировал бытовую электронику друзей.

Этим вызывал ненависть, у владельцев ремонтных мастерских, у которых он отбирал заработки. После Андрюшиного ремонта техника не ломалась много лет, чего не скажешь о ремонтной мастерской.

Мастера тебе так отладят компьютер или телевизор, что клиент, единожды посетивший мастерскую, навсегда прописывался в ней. Пока не покупалась новая техника.

Друзей много, но Андрей всё чаще чувствовал себя одиноким, пока не произошло чудо.

Он познакомился в интернете с девушкой. Думая вначале, что это обычный прикол какого-либо бездельника, не решался включиться в игру. Но девушка была настойчивой. Они обменялись фотографиями. Будучи уверенным, что перед ним на экране лик малоизвестной актрисы, Андрей в ответ послал фотографию молодого Жана Мааре, которого мы в России знаем как графа Монте Кристо. Андрей тут же получил ответное послание, в котором девушка назвавшаяся Маргаритой, посоветовала ему не дурачиться и добавила, что лично знает его в лицо, и оно её не пугает.

Не откладывая событий на неопределённый срок, как это бывает при виртуальных знакомствах, она назначила Андрею встречу.

С необъяснимым душевным трепетом Андрюха собирался на это свидание. Он до последнего мгновения не верил в реальность происходящего. Поэтому не стал приводить себя в должный образ, как он это делал, когда шел наниматься на очередную работу.

В этот раз Андрей оделся так, что одежда только подчёркивала его недостатки! В таком виде отправился на место назначенной встречи. Разумом чувствовал, что делает ошибку, соглашаясь на это свидание. Представлял, как стайка молодых дарований будет наблюдать за ним со стороны, давиться от смеха, прикалываясь над доверчивым, уродливым Лохом.

Но сердце взяло на себя управление организмом и настойчиво вело к месту встречи.

Реальность ошарашила. Андрея встретила девушка, именно та, которую он видел на фотографии.

Андрей пытался, что-то мямлить, но Маргарита крепко взяла его под руку и повела чуть в сторону от места встречи к свободной скамье в глубине аллеи, туда, где было меньше народа. Почти насильно усадила его, присев рядом неожиданно сильно обняла и стала целовать в мало-подвижные губы. Растерявшись, Андрей начал вырываться из крепких объятий. Он не привык к подобному обращению. Физическая близость, которая бывала у него раньше, не предполагала таких бурных проявлений. Купленные им девицы-путанки просто выполняли работу. Здесь было нечто иное.

– Пойдём к тебе, – прошептала девушка ему в ухо.

– Отец дома, он отдыхает после работы. – Растерянно проговорил Андрей.

– У тебя есть своя комната, в которой нам ни кто не мешает, – поднявшись со скамейки, Рита, как мысленно назвал её Андрей, повлекла его к автобусной остановке.

События развивались бурно. Сердце шло на поводу желаний тела, не давая включиться разуму. Она приходила к нему через день, каждая встреча проходила как нечто фантастическое. Андрей, неизбалованный женским вниманием, был счастлив. Он летал на седьмом небе. Начал задумываться над созданием собственной семьи, о чём раньше и не смел мечтать.

Пытался в разговорах со своей возлюбленной, а он влюбился безоговорочно и бесповоротно, выяснить, кто она и почему он стал её избранником?

– Я знаю, что я не принц! Я, скорее Квазимодо, которого смерть соединила с возлюбленной! А мы с тобой находимся на этом свете, где всё непросто и нереально.

Но Рита пресекала все расспросы. Только раз у неё проскочило, что она спешит к ребёнку, и ей нельзя оставаться с Андреем на ночь.

Боясь спугнуть счастье ненужной настойчивостью, Андрей не настаивал. В начале знакомства он пытался следить за ней, в надежде выяснить её место жительства, но она всегда ускользала от него. Поиски её данных в виртуальном мире так же не давали результатов.

А потом он перестал это делать. Решил, что просто надо подождать и время всё расставит по своим местам.

Прошел ровно год. В неожиданном счастье время пролетело, как мгновение, как вспышка в сплошном мраке.

Ровно год счастья. А потом Маргарита исчезла! Она как бы растворилась. Все поиски, которые он предпринимал, были тщетными.

Андрей сходил с ума от утраты. Он не понимал, что случилось, метался по городу в поисках любимой. Написал заявление в милицию о пропаже человека, но у него не приняли это заявление, потому, что не мог дать никаких данных о своей возлюбленной. Лишь сделали обыск в его квартире, перевернули всё вверх дном и забрали компьютер.

Андрей не знал ничего об этой девушке, даже не был уверен настоящее ли у неё имя?

Так, приблизительный возраст, цвет волос, цвет глаз, рост и никакой конкретики. Он мучился до тех пор, пока не прислали конверт с фотографиями. И тогда раскрылась истинная суть ситуации.

Оказалось, что этой женщине тридцать лет, просто она умело скрывала свой возраст. При современной косметике несложно выглядеть двадцатилетней девушкой. Она замужем, муж плотно связан с криминалом. И этот муженёк очень сильно провинился в своём сообществе.

Ему поставили условие: кроме материального наказания будет наказан морально: поделится женой с самым уродливым созданием этого города.

Если не согласится, его ждёт полное разорение.

Семейство бизнесмена согласилось на условия. Жена должна в течение года играть пылкую любовницу. Если фальшь откроется, договор аннулируют. Выбор криминала, пал на Андрея.

Жена богатого, криминального бизнесмена ради сохранения семьи и высокого статуса в течение года разыгрывала влюблённую извращенку под бдительным оком скрытых камер. Она не задумывалась о последствиях, она не думала о том, что будет, с Андреем, когда пройдёт год. Для неё было важно сохранить своё гнездышко и положение в гламурном обществе. На чувства Андрея ей было наплевать!

Вскоре Андрею прислали диск с фильмом, под названием «Красавица и чудовище». В чудовище он увидел себя, красавицей была Рита. Все сцены, которые были его личной тайной, стали достоянием неизвестных людей, которые в конце фильма дали издевательский совет:

– Включай запись каждый раз, когда будешь заниматься рукоблудием. —

Именно это обидело Андрея и явилось той отправной точкой, с которой он начал иную жизнь — жизнь мстителя.

Владимир Алексеев. **Кто страшнее поющего парикмахера**

Я пишу этот текст слегка подшофе. Я выражаю своё сочувствие всем людям доброй воли, которых угораздило родиться кудрявыми. Именно таким был наш куратор, книгу которого «Алгоритмы решения задач по механике» вы до сих пор можете встретить на просторах Интернета. Глубоко седеющий и столь же глубоко лысеющий некогда блондин, он умел поразить нас, студентов, своей искромётной эксцентричностью. То возглашал из древлестуденческих опер крамольные арии, в которых звенело тревожащее слух комсомольцев и активистов слово «девки», то призывал пойти в стоящий по соседству собор насладиться церковным демественным пением и семейрусным небывалым иконостасом. Чисто из эстетических соображений. Нас. Комсомольцев и активистов.

Это было задолго до Чернобыля. Поэтому страхи у людей были какими-то мелочными и детскими. Война (не афганская, тихая и скрытная, а та, что прогремела на нашей земле) давно миновала (а он был участник войны, наш куратор). Очереди в магазинах стали уже обыденными, превратились из места раздражённого стояния истеричных граждан в привычный аналог современных соцсетей. Далеко впереди было то время, когда в хлебном магазине я увидел только пустые лотки да пару красочно облачённых представителей солнечной Африки, запечатлевающих на фото чёрствую горбушку крошащейся Империи.

Это было время-песня! За шестьдесят копеек студент получал талон «на посещение предприятия общественного питания с концертной программой», иначе – на право приобретения комплексного обеда, одного из двух сварганенных виртуозами столовской кухни наборов вкусной и здоровой пищи. Концертной программы, правда, не было, только в дальнем углу сиротливо стояла ударная установка, оставшаяся от некогда лабавшего в этих стенах студизусного патлатого ВИА. Зато цены повсюду были ласковыми! За рубль можно было наесться от пуза, за три – съездить туда и обратно в ставшее нынче настоящей границей соседнее государство, за пятнадцать – путешествовать от Таллина (тогда ещё с одним «н» в конце) до Владивостока. Ну, может быть, минимум до Байкала.

Но кудрявым людям и в это благословенное время несладко жилось! И дело не в том, что их везде и повсюду подозревали по пятой графе как врачей-убийц, инженеров-вредителей и кладовщиков-расхитителей социалистической собственности. Парикмахеры! Вот кто был истинным бичом и проклятием обладателей роскошных, а иногда даже и потёртых эпохой кудрей. Возможно, во многом поэтому, а не только в безумном желании подражать Полу Маккартни, Андрюша Макаревич прибегал в своё время для выпрямления волос к помощи утюга...

Да, так вот. Я пишу подшофе и потому вспоминаю своего куратора, ныне давно уже покойного. Однажды он откровенно сказал нам, что приходит на лекции вот в таком же одухотворённом, взгретом с утра рюмочкой спиртного, состоянии. Ибо, – философски заметил он, – человек подвыпивший включает внутреннюю систему повышенного контроля над собой, в итоге допустит намного меньше ошибок, чем расслабленный и разнеженный самоуверенностью, твёрдо стоящий на ногах трезвый собрат...

Уж не знаю, в каком состоянии понесло однажды нашего куратора навести марафет на свои кудри к поющему парикмахеру. Итогом было вот это самое изречение, крылатая фраза, ставшая теперь названием моей философской притчи. Я сам слегка кудряв, когда выпью. Как минимум, имею ярко выраженную волну в чёлке. Когда я был маленький, бабушкина соседка, посмотрев на висящий в нашей комнате портрет Есенина с трубкой, посчитала меня его внебрачным сынишкой. Тоже ведь был не дурак выпить! И, должно быть, так же сложно, так же

мучительно был причёсываем и стригом куафёром Симоном, воспетым поэтом Маяковским в стихах о Владе Прогулкине.

Как ни клади кудрявые волосы, как ни умащивай, как ни мочи одеколонами, лосьонами и прочими туалетными водами, они продолжают топорщиться, встают вихор за вихором, как последние солдаты из траншеи. В итоге выходит некругло. Если только не под Котовского. Поющий парикмахер постриг нашего куратора под Котовского. Ровно наполовину. А потом наш куратор протрезвел. И сбежал.

Он сбежал, а я вот теперь задумываюсь: кто же, на самом деле, страшнее поющего парикмахера? Кто бы мог ответить? Я встречал на своём пути немало умных, достойных и образованных людей. Одарённых, особенно когда они контролировали себя в усиленном режиме. Расскажу ещё об одном выдающемся человеке, встречу с которым подарила мне судьба. Один бывший ликвидатор Чернобыльской аварии, тогда – безменсмен, как называли новоявленных предпринимателей, очень интересно, можно сказать, виртуозно и филигранно, водил машину. Вёл он её идеально, без нарушений. А когда останавливался возле дома, по свидетельству очевидцев, выходил из машины так. Открывается дверца. Двадцать минут ожидания. Появляется и находит для себя опору правая нога водителя (ну не с левой же, в самом деле, ему вставать на твёрдую ногу!). Двадцать минут ожидания. Вторая ступень, вернее ступня, отделяется от коврика под рулевой колонкой и благополучно приземляется рядом с первой. В стельку пьяный водитель готов оторвать чресла от пригретого кресла. Ещё примерно через двадцать минут.

Очень сожалею, но не имел счастья ездить с ним рядом. Ведь в состоянии повышенного контроля над собой и мобилизации всех жизненных сил этот человек без труда дал бы мне ответ на поставленный во главу повествования вопрос! А так я слышал от него только одно запоминающееся славянское присловье перед трапезой, произносимое им вместо кавказского тоста: «Ну что? Напьемся и подерёмся?»

Пойдём логическим путём! Волос на голове много, и они имеют свойство отрастать. Говорят, растут вместе с ногтями даже у Ленина в Мавзолее. А что у Ленина не растёт и у нас уже никогда наново не вырастет? Правильно! Зубы! Первый шаг на пути к постижению истины сделан. Страшнее поющего парикмахера – стоматолог-шизофреник. И это, увы, уже не из кураторских эмпирей, а из моего личного опыта! В семнадцать лет я ни за что ни про что лишился нескольких зубов, попав на профилактический школьный осмотр именно к такой захожей шизофреничке в очках-велосипеде.

Вы полагаете, что доктор в белом халате прежде всего берёт в руки маленькое круглое зеркальце на тонкой длинной металлической ножке? Эта шальная баба училась стоматологии в шахте имени Засядько! Отбойный молоток в дробящихся, крошащихся и разлетающихся веером мелких осколков угольных пластах ничто перед бормашиной в торжествующих руках этой фурии! Именно с неё, бормашины-отбойника, она и начала своё победное шествие, даже не глянув на мои жевательные и кусательные, за две недели до этого подправленные где надо лучшим стоматологом области. На все попытки возражений она гундела себе под нос: «У тя скрытый кариес!» За три дня она выдала на гора с безобразно большими пломбами пять моих зубов. Шестой оставила под мышьяком. И сбежала.

Вы спросите: «Почему?!» Парализующая волю субординация, культивируемая советским строем, и авторитаризм школьных учителей сделали своё дело. Отлынивать от «осмотра» у стоматолога-шизофреника в советской школе не представлялось возможным. А если вас интересует ответ на вопрос, почему она сделала это, и сделала иезуитски именно так, то вот ответ. Лет через шесть я посещал (опять-таки на излёте крошащейся Империи) стоматологию на Октябрьском проспекте. Крупная такая стоматология. Много докторов в одном каби-

нете большого сталинского здания. И вот, пока мой доктор исправляла мне некоторые последствия угледобывающего вторжения, тётка за соседней бормашиной, свободная от послушаний, изрекла: «План по дыркам я выполнила. Осталось выполнить только по вырванным зубам!» И я благословил небо, что та стахановка-гагановка-загладовка с шахты имени Засядько выполнила план по вырванным зубам задолго до моего визита к ней на «осмотр».

Да... Но без зубов всё-таки можно жить! Я же вот живу! А есть кроме зубов незаменимые, жизненно важные органы. И получается, что нервический хирург – чик скальпелем! – страшнее больного на голову стоматолога... Правду сказать, за один присест он сможет отправить на личное кладбище не более одного пациента. А вот водитель, даже такой внимательный и ответственный, как тот мой знакомый ликвидатор-безменсмен, протрезвей он хотя бы на одну десятую промилле и утрать контроль над собой, может снести пол-остановки со всеми стоящими на ней людьми. Выходит, что он, в процессе протрезвения за рулём – страшнее...

Ликвидатор... Он ведь и пил-то затем, чтобы заглушить свою болезнь. А из-за чего она приключилась? Какой-то недоучка, олух, не слушавший на уроке своего учителя физики, по благу, должно быть, был устроен «работать» оператором на АЭС, ткнул дурным пальцем не на ту кнопку. И сбежал.

Вот всё и вернулось к кудреватому учителю физики. Получается, его ошибка – самая страшная? Виновата его недоработка над сидящими напротив него олухами и балбесами? Или окаянная стопка, не выпитая им с утра, и приведшая к преступному расслаблению? Не был подшофе – не научил как надо. Естественная логическая цепочка.

А может, виновата страна Советов с поставленной с ног на голову абстиненцией?

А может, плановая система с её учётом вырванных зубов и премиальных «дырок»?

А может, сам по себе род человеческий, каждый из представителей которого страшнее всякого иного живого творения на свете?

Ехала из Владивостока в Псково-Печорский монастырь бабка. На поклонение святыням, мощам, стенам намоленным. Тогда ещё за пятнадцать рублей ехала. А напротив неё сидел за вагонным столиком весёлый рабочий парень в расстёгнутой на ворота клетчатой рубашке.

– Бабка! Куда едешь? И что тебя в такую даль несёт! Космонавты летали, Бога твоего не видели. Ну ладно, ангелы и прочие небожители! А черти-то куда делись? Что же их то не видать?

– Сынок-сынок, черти-то исчезли за ненадобностью!

– Как это?

– В прежние-то времена они людям всяко вредили. А теперь на что они? Теперь – что ни человек, то чёрт!

Вы всё-таки хотите знать моё мнение насчёт того, кто страшнее поющего парикмахера?

А нету меня! Виртуальное общение – оно очень даже удобно!

Пока вы всё это читали, я выключил компьютер. И сбежал.

Артём Квакушкин. По Газону не ходить!

В последнее время газону жилось как-то никак. Ничего не происходило в жизни, ничего не мешало его размеренному существованию. Ничего не мешало. И только мысли жужжали пчёлами, передавая через многотравье цветов свои колебания разветвленной многоуровневой корневой системе, затухая где-то там, в глубине, на кончиках корней. Затухали, порождая яркие цветные и цветастые воспоминания о былом.

Он помнил, как, родившись в парке, впервые осознал себя газоном, после того как заботливая рука садовника вдавила в него острый штырь с табличкой: «По газону не ходить!» Эта табличка сначала весьма удивила его: как это можно ходить по живому? Как это можно топтать самое красивое и дорогое из того, что бывает в мире: красоту и жизнь? Он помнил людские восторги и влюблённо смотрящие глаза, и впервые осознал, что он – красив.

То, что жизнь далеко не подарок, он понял, когда зацвели первые цветы. Первые жадные руки без сожаленья рвали по живому тюльпаны и маргаритки. И газон впервые узнал, что такое боль. Боль потери.

Со временем он свыкся с этим, и развивал свою корневую структуру. Принимал и культивировал в себе залетающие семена чертополоха, выращивая рядом с самыми красивыми цветами колючки. И даже немного радовался, когда очередной Коля, рвущий для очередной Маши букет, со слезами на глазах пытался выдернуть глубоко впившиеся в руку шипы.

Через какое-то время на нём появилась не нарастающая годами тропа, позволяющая сократить людям путь к аттракционам. Тогда он понял, что многие люди неграмотны и не умеют читать. Ведь они совершенно не замечали табличку: «По газону не ходить!»

А брошенные и не замечаемые дворниками в густой листве окурки и мусор отравляли и без того его нелегкое существование.

Единственное, что радовало – это дождь. Мало того, что он нёс жизнь, заставляя подниматься и колоситься, так и пока он шёл, не было вокруг этих навязчивых и малокультурных хищников – людей. В такие дни он предавался неге и возвышенно мечтал о том, чтобы в мире были только цветы. Ну, еще и бабочки, и пчелы. Ведь куда без них.

В последнее время газону жилось как-то никак. Ничего не происходило в жизни, ничего не мешало его размеренному существованию. Ничего не мешало. Ничего, кроме мыслей. Мысли тревожно жужжали пчёлами, внезапно лишенными ульев, передавая через многотравье цветов свои недоуменные колебания разветвленной многоуровневой корневой системе, затухая где-то там, в глубине, на кончиках корней. Затухали, порождая яркие цветные и цветастые воспоминания о былом. И из всего этого выкристаллизовывалась вдруг внезапно некая нелогичность, выраженная вопросом: «Почему вдруг люди перестали ходить по газону?»

Разведывательный космический зонд облетал планету уже в двухсотый раз. Оператор, отложив в сторону другие дела, приготовился к съёмке. Он знал, что через две минуты появится единственный на этой планете-океане крошечный островок, с покрытым травой и цветами пятячком-газоном. И странной, неизвестно к кому ё табличкой: «По газону не ходить!»

Александр Теущаков. **Белый шаман**

Мороз сковал все живое, кругом царит белое безмолвие. Величественная тайга, укутанная снегом, распростерлась на многие километры. Среди елей и лиственниц виден след от крупных волчьих лап. Вот уже два дня преследует огромного волка человек, одетый в легкий, белый полушубок. На голове большая, мохнатая шапка из волчьей шкуры. На ногах, по колено замшевые унты. Мужчина держит наперевес ружье и быстро продвигается на широких лыжах, обшитых оленьей шкурой.

Неделю назад на стойбище оленевода стали пропадать олени. По следам, оставленным хищником, ненецкие пастухи определили крупного волка. Почему волк-одиночка, не боясь людей, стал забегать на стойбище за легкой добычей? Может это отвлекающий маневр вожака и где-нибудь в гуще леса его ждет стая, для того, чтобы насытиться. Хитрый попался зверь, настороженный и по всему было видно, неплохо знал людские повадки. Поймать такого зверя голыми руками нельзя, а убить... Нужна охотничья выдержка и умение выслеживать зверя. Вот и обратились пастухи к Белому Шаману, живущему в тайге уже несколько лет.

Как он появился в этих краях? По этому поводу ходила легенда: будто сам дух тайги послал опытного зверолова к водопаду на Котуе, чтобы он нашел там лихого, смелого человека и помог ему вернуться к жизни. Охотник отыскал, застрявшего между валунов мужчину, с поврежденным лицом и разбитой спиной. Целый год смерть ходила вокруг юрты, не отпуская седого человека. Видимо что-то случилось в его жизни трагическое и непоправимое, раз он не ценил дарованное ему спасение. Человек о чем-то молча скорбел, переживал, маялся. Но, вот однажды во сне его посетил дух и, коснувшись своей дланью его лба, вдохнул в него надежду и разум белого человека воспротивился смерти, могучий организм поборол хворь, и он по весне поднялся на ноги. Позвоночник зажил, окреп, но остался шрам от удара о камни, так же пострадала левая щека, от глаза до нижней скулы протянулся рубец, отметив его мужественное лицо.

Год был голодным, а лето засушливым и все зверье перекочевало из этих мест. Охотник решил сменить место стоянки, но белый человек отговорил его и как – то странно, глядя в одну точку, сказал:

– Ты иди по распадку в сторону Котуя, и между сопок увидишь стадо изюбров, они обитают возле замерзших озер. Охотник послушался белого человека и через неделю вернулся к своей семье в юрту с пищей, добытой на охоте.

Несколько раз везение повторялось, благодаря советам белого человека, который в скором времени покинул юрту и стал обособленно жить в тайге. Северный люд суеверен и поклоняется своим лесным духам. Таежники, охотники, оленеводы стали чаще заглядывать к белому человеку и после общения с ним, на них ниспадала Божественная благодать. По всей округе расплозились слухи о Белом «Шамане», который безвозмездно помогает северным людям. Иногда возле его юрты собирались люди, и плясали вокруг костра, в сопровождении гулких ударов барабанов и звонких бубенов.

После очередного набега неуловимого волка, Белый Шаман успокоил пастухов и, прихватив ружье, отправился по следу в тайгу. На исходе дня, он увидел мелькавшего между деревьев зверя, отличавшегося от своих собратьев большими размерами и великолепной шерстью. Шаман не стал выдавать свое присутствие и решил понаблюдать за зверем. Его охватил большой азарт, он ощутил небывалый прилив жизненных сил, ведь по своей натуре он был смелым и целеустремленным человеком. Находясь в восторженном состоянии, с завидным упрямством, Шаман гнал волка, не давая ему передышки. Временами, когда хищник отрывался от преследователя, то садился на снег и протяжно выл, затем срывался и убегал в лес. Шаман

видел его крепкий корпус, стальные мышцы, как под огромными лапами волка, во все стороны разлетался снег, его молниеносные скачки, когда почуяв, приближение человека, хищник отрывался от преследователя на значительное расстояние.

Шаман потерял зверя из виду, его следы привели к Котую. Ветер быстро засыпал снегом отпечатки на снегу, и напрашивался вывод: нужно возвращаться в свою юрту и начинать выслеживать зверя снова. Но внутренне чутье охотника привело его к пологому берегу реки, упиравшемуся в ряды лиственниц и елей. Тихо, пройдя сотню метров, он осторожно приблизился к поляне и увидел преследуемого волка. Задрав морду, он водил носом по сторонам, пытаясь уловить запахи. И волк учуял человека. Ощерились зубы до верхних десен, словно лязг железа, послышалось щелканье зубов.

До цели осталось около двадцати метров: Шаман прицелился в оскаленную, волчью пасть и потянул пальцем спусковой крючок. На миг их взгляды пересеклись. Палец замер в нерешительности и этой заминки хватило, чтобы волк, сделав огромный прыжок, скрылся за деревьями.

Больше хищник не появлялся на стойбище, видимо существовала невидимая связь между умным волком и сильным человеком, который дал понять зверю, что он зашел на чужую территорию.

Первый тур. Сказка

Александр Паршин.

Чужой праздник

Он шёл издалека и боялся опоздать. Осталось всего несколько дней, а ещё нужно подготовиться к ночи Самхэйна. Лишь в эту ночь завеса, разделяющая мир людей и мир сидов становится настолько тонкой, что посвящённые могут проникнуть в миры друг друга.

У себя на родине не смог найти достойное место среди подобных ему, для этого нужно иметь как можно больше человеческих душ. Старые сиды имели всё и души, и места, где люди встречают Хэллоуин. Но это их места, и другим дорога туда закрыта. Были и такие, которые, прожив свой век, не смогли найти место в этой иерархии и превращались в йети, всю оставшуюся жизнь, прячась от людей.

Он не хотел быть ни внизу, ни в середине – только наверху. И отправился в далёкую и огромную страну называемую Россией. Здесь Хэллоуин пока был редкостью. Он знал место, где этот праздник будут отмечать обязательно, и был уверен, здешние люди не подозревают об опасности, которую несёт его присутствие.

Он был умным Сидом и ему нужны были человеческие души.

Парень забрался на завалинку и постучал в окошко, в котором тут же показалась девушка, с длинными русыми волосами и васильковыми глазами.

– Тебе что? – спросила строгим голосом.

– Полина, пошли, погуляем.

– На улице холодно и вечер скоро, – но взглянув на его мужественное лицо, улыбнулась. – Ванюша, дай руку!

Выпрыгнув из окна, девушка попала в крепкие объятия, испуганно оглянувшись, прошептала:

– Увидит кто-нибудь! – и, освободившись от сильных рук, спросила. – Куда пойдём? Хотя в нашем захолустье идти некуда.

– Завтра дядя Алан праздник устраивает, Хэллоуин называется.

– Ничего интересного там не будет. Вырежем рожицу из тыквы и сделаем стукалочку – вот и весь праздник.

– Нет, он настоящий карнавал готовит. Он же англичанин, – уверенно произнёс парень. – Недавно в Шотландию ездил и привёз маски настоящих сидов.

– Кого, кого?

– У них в этой Шотландии сидами называют всякую нечисть.

– Я слыхала, что к этой ночи и нечистая сила готовится, – с опаской прошептала Полина.

– Откуда здесь их сиды, – рассмеялся Ваня. – У нас своей нечисти и то нет.

– А тётка Варвара? – возразила девушка, оглянувшись по сторонам. – Она же ведьма.

– Тётка Варвара своих не трогает. Она порчу лишь на чужаков наводит, – посмотрел на девушку и рассмеялся. – Ты что, боишься?

– Ничего я не боюсь, – смело ответила Полина. – Конечно, пойдём.

– Дядя Алан всё делает, как на его родине, и музыку и даже угощения. Всё будет, как полагается.

– Холодно, что-то. Того и гляди снег выпадет, – произнесла девушка ежась в легкой курточке.

- Сейчас согрею! – парень сильно прижал девушку к себе и поцеловал в губы.
- Кто-нибудь увидит.
- Пойдём к нам на сеновал.
- Ваня, нам и шестнадцать не исполнилось.
- Я же тебя люблю!
- Нет, Ванечка. Дойдём до дома дяди Алана и обратно.

Всю ночь Сид ходил по опушке леса, рассматривая окрестность. Входить в самую деревню не решался. Он мог изменить свой облик, подогнав тело под размеры человека, но лицо чудовище изменить, пока не могло. Для этого нужна душа человека, и тогда его лик станет похожим на лицо бывшего обладателя души. Что бы осуществить свои мечты, сид остался на целый год в мире людей, подвергая себя опасностям, и останется в этом мире как минимум ещё на год.

Ритуал отнятия души сложен. Нужно выпить хоть немного крови жертвы, а жертва должна добровольно его поцеловать.

Сид нашел дом, возле которого будет проходить праздник, и сейчас разглядывал каждый клочок участка вокруг этого дома. Он понимал, что времени на подготовку не будет, и всё будут решать минуты, а то и секунды.

Раздался лай, и Сид увидел мчавшуюся на него деревенскую собаку. Запах он не источал, видно, собака заметила движение в кустах.

«Куда бежишь, глупое животное? – усмехнулось чудовище. – К тому же я голоден. Ты как раз кстати».

Резко выбросив руку, схватил подбежавшую собаку за горло, надкусил на шее вену и стал с удовольствием пить тёплую кровь. Затем отбросил тушу в сторону и долго наслаждался сытостью, растекающейся по телу. В его воображении рисовалась картина подобной процедуры, но с человеком.

Гришка и Димка, закадычные друзья забежали к нему поутру, но судя по их горящим глазам, думали те явно не о школе.

– Ванёк! – произнёс Гриша шепотом. – Дядя Алан просит помочь ему с оформлением праздника. По полтиннику за каждый час платит.

Ваня приложил палец к губам, увидев идущую мать, и стал бросать в пакет общие тетради.

Забросив по пути эти пакеты в сарай, отправились к фермеру. Встретил Алан их приветливо и, поздоровавшись за руки, приказал:

– Вон тыквы. Будете делать Светильники Джека.

Ребята с удовольствием взялись за работу. За день сделали по четыре фонаря со страшными рожицами и установили их вместе со свечами на столбы. Сделанная работа и так доставляла удовольствие, а полученные деньги, это удовольствие увеличили многократно.

Сид наблюдал за подготовкой к празднику из леса. Видел возводимые сооружения. Те были просты, но в их тени ночью можно спрятаться, не боясь быть замеченным и опознанным. Самое главное найти жертву – того, кто наденет маску, похожую на его первозданный облик. Такие у фермера Алана есть – это он знал точно. Хорошо бы завлечь жертву в лес, который рядом. Там будет совсем темно.

Полина с подружками накрывала деревянные столы прямо на поляне перед домом фермера, а её любимый с друзьями зажигали свечи в светильниках Джека.

Любуясь горящими тыквенными рожицами, парни подошли к девчонкам.

– Что там у нас вкусенького? – Гриша обхватил свою подругу Риту огромными ручищами за талию.

– У нас одни пироги с тыквой и яблоками.

– Пойдут! Отрежь-ка нам три кусочка!

– На троих соображаете?

– Озёрские сейчас придут. Их Гаврилов обещал нас побить. Надо для храбрости немного выпить.

Друзья забрали пироги и отправились в будку, откуда доносилась музыка, наполненная скрипом, воем волков и подобными звуками.

Через полчаса, весёлые и довольные вышли оттуда и увидели фермера, машущего им рукой.

– Маски наденьте! – с улыбкой приказал он. – А то у вас настроение уже хорошее, пусть и другие повеселятся.

Маски были мохнатые и изображали чудовищ. Одев их, ребята пришли в неописуемый восторг. Тут же отправились к девушкам и с рычанием бросились на них. Крик ужаса и восторга возвестил о начале весёлого праздника.

– Озёрские придут, мы так и выступим, – восторженно произнёс Иван. – Маски и их на несколько секунд в ступор загонят, и удары смягчать будут.

– Идут! – Дмитрий кивнул на опушку.

Друзья, не снимая масок, бросились в сторону леса, откуда появились озёрские, возглавляемые Гавриловым и незнакомым парнем, без сомнения наитяжелейшей весовой категории.

Сид наблюдал за происходящим с того момента, когда на праздник стали собираться первые зеваки, но чёткого плана так и не было. Появился этот план, когда фермер дал парням маски, одна из которых очень сильно походила на его настоящее лицо. Когда тот парень подошёл к девушке и обнял её, Сид вскрикнул от восторга, ясно представив, как заполучить не одну, а две души.

Всё складывалось идеально – в лесу парни стали драться, и понять что-либо в сгущающихся сумерках было невозможно. Когда же намечаемая жертва отлетела в кусты к его ногам, оставалось лишь оглушить и оттащить подальше в лесок. Здесь Сид снял с Ивана куртку, джинсы, обувь и надел на себя. Их хозяин был достаточно крупным, и тело без труда приняло облик бывшего владельца.

Драка его больше не интересовала, его интересовала подруга парня. Не найдя своего возлюбленного на месте драки, Полина бросилась в лес. Пробираясь через колючие кусты, не заметила острой ветки, которой Сид провёл по её лицу. Вскрикнула от боли, но тут же услышала:

– Полина! – перед ней стоял Иван в той же маске, но голос был чужим.

– Ваня, что с тобой! – испуганно спросила она. – У тебя голос какой-то странный.

– Этот здоровый мне два зуба выбил. Теперь придётся весь вечер в маске ходить, – раздалось в ответ, и тут же испуганный вскрик. – Полина, а что у тебя со щекой? На ней кровь. Дай посмотрю!

– Что там, Ваня!

– Сейчас залижем.

Она почувствовала, как шершавый язык стал касаться её кожи.

– Ваня ты у меня всю кровь выпьешь, – томно зашептала девушка. – И язык у тебя какой-то шершавый.

– Ты ещё бы на мои зубы посмотрела.

– Давай, посмотрю! Что с ними? – с тревогой в голосе предложила девушка.

– Полина, поцелуй меня! – попросил он лукавым голосом. – От твоих поцелуев любая боль пройдет.

Девушка обняла могучую шею и коснулась губ. Жадный поцелуй был бесконечным, а его объятия сжимали грудь стальными тисками. Она стала задыхаться, попыталась вырваться, силы оставляли её, и вскоре Полина потеряла сознание. Чудовище подняло девушку на руки и, припав губами к открытой ране, понесло в лес, наслаждаясь горячей кровью юной жертвы.

Опустив девушку на сырую хвою, Сид совершил необходимый ритуал, затем достал зеркало и взглянул – на него смотрело бледное лицо девушки. Ухмыльнулся и стал снимать с жертвы одежду. Одежда оказалась мала, и он с трудом втиснул туда своё тело, затем вернулся на поляну и одел лежащего без памяти парня.

Ваня пришёл в себя от ощущения, что кто-то переворачивает его. Сел потряс головой, снял с лица маску. Застегнул куртку, встал. Голова закружилась. Постояв немного, парень направился в сторону деревни, вспоминая, что с ним произошло. Полина появилась как-то неожиданно, словно из-под земли.

– Где ты ходишь? – спросила она хриплым голосом. – Я всё горло сорвала, крича тебе.

– Полина, меня кто-то оглушил, – промычал парень, окончательно так и не придя в себя.

– На шее кровь, – в её голосе чувствовался ужас. – Нагнись! Какая рана глубокая и кровь течёт. Давай, залижу!

Она стала осторожно слизывать кровь. Это продолжалось довольно долго, пока парень не произнёс:

– Полина, ты у меня всю кровь выпьешь.

– Поцелуй меня и поклянись, что больше не будешь участвовать ни в каких драках!

– Первую просьбу выполняю с большим удовольствием.

Парень обнял девушку и стал жадно целовать. Её объятия становились всё крепче и крепче и вот уже сжали парня с силой, на которую не способна не только хрупкая девушка, но и здоровый мужчина. Попытка вырваться не увенчалась успехом, и он во второй раз потерял сознание.

Напившись и его крови, Сид положил их рядом, снял с себя и бросил одежду девушки. Второй ритуал также увенчался успехом, превратив его лицо в мужественное лицо парня. Довольное чудовище отправилось вглубь леса, где в укромном месте лежала другая одежда, приготовленная им.

– Вот и всё! – радостно произнёс он. – Утром буду полным владельцем душ. До рассвета ещё можно вернуть души прошлым владельцам, но утром я буду очень далеко от этого места.

Сид шел, не останавливаясь несколько часов по дремучему лесу, мечтая о будущем. Рассвет окрасил небо в серый свет, постепенно добавляя в него голубые тона.

– Вот и всё! Теперь эти души мои навсегда, – улыбнулся Сид рассвету.

Всю ночь веселилась деревня на этом новом и таком весёлом празднике. Лишь далеко за полночь Дмитрий, провожая свою девушку домой, увидел Гришу с подругой и спросил:

– А где Ваня?

– Наверно, с Полинкой где-нибудь целуется.

– Сейчас позвоню, – Дима набрал номер, но ответа не последовало.

– Дай-ка я Полине позвоню! – Рита вырвалась из Гришкиных объятий. – Тоже не отвечает. Может что случилось?

– Когда вы их последний раз видели? – Дмитрий задумался, сощурился.

– После драки я его не видел, – стал вспоминать Гриша. – Последний раз его видел, когда он стал драться с тем здоровым, затем мне кто-то врезал, я в ответ...

– Про драку не надо, – остановил его Дима и, повернувшись к девчонке, спросил. – Рита, а ты когда Полину последний раз видела?

– Когда вы убежали драться, – стала вспоминать девушка. – Мы через пару минут отправились следом.

– Значит, после драки их никто не видел. Надо ещё раз позвонить, – он вновь набрал номер. – Не отвечает. Где они сейчас могут быть?

– На сеновале, – скривила губы Рита.

– Идёмте искать!

Но ни на сеновале, ни дома их не было. На звонки тоже не отвечали. Через час все, кто мог стоять на ногах после праздника отправились прочесывать лес. Нашли их под утро, лежащими в ельнике в растрепанной одежде и окровавленными лицами, без признаков жизни.

Односельчане стояли над ними, не зная, что предпринять, когда раздался чей-то голос:

– Варвара идет.

Все испуганно расступились, пропуская вперед стройную женщину лет сорока, в прекрасно подобранной одежде с высокой замысловатой причёской на голове. Та внимательно осмотрела юные тела, пристально посмотрела вглубь леса и произнесла голосом, не допускающим возражений:

– Отнесите их ко мне домой! В больницу и милицию не звонить. Это не поможет, – и, оглядев односельчан, добавила. – Зря вы стали справлять этот праздник.

У себя дома, она приказала положить детей на кровать и, выгнав всех, стала совершать какой-то обряд. После его завершения вышла из дома, закрыв дверь на ключ. К ней бросились родители Вани и Полины:

– Варвара, скажи, что с ними?

– Кто-то забрал их души, и крови немного выпил, – произнесено это было спокойным голосом, от которого у окружающих поползли мурашки по телу. – Попробую что-нибудь предпринять.

Ведьма отправилась в лес. Она зашла в самую глубь, перейдя овраг, очутилась в непроходимой чаще.

– Леший, выходи! – громко крикнула в сторону ельника. – Видишь ведь, что я пришла.

Из леса вышел мужичок в кафтане, запахнутом на правую сторону и сапогах, одетых наоборот. Волосы его были ярко зелёные, глаза без бровей и ресниц горели таким же зелёным огнём.

– Мог бы ко мне навстречу и в более приличном облике выйти, – проворчала ведьма.

– Тебе, что здесь надо, Варвара? – сердито спросил Леший. – Мы же договорились друг друга без серьёзного повода не беспокоить.

– Повод более чем серьёзный. У меня в деревне один иностранец живёт. Решил он организовать чужой праздник, после которого деревенские нашли два тела, парня и девушки, без признаков жизни. Это наши ребята.

– А мне какое дело до этого? – пожав плечами, спросил Леший.

– У них души забрал кто-то, но он чужой, – зло проговорила ведьма. – И теперь бродит по твоему лесу.

– Этого не может быть. Я об этом сразу бы узнал.

– Умный он очень. Я его тоже проворонила. Леший, найди этого умника и приведи ко мне! Пусть вернёт души моих людей.

– Попробую, – задумчиво произнёс мужичок. – Но боюсь, после рассвета души обратно в тела не вернуться.

– Вернутся, я об этом позаботилась, но нужно сделать это не позднее трёх дней.

– Ладно, Варвара, я пошёл! Как бы он за пределы моих владений не ушёл.

Сид и весь следующий день шёл по нескончаемому чужому лесу. Под вечер показалась опушка и он очутился... Возле деревне, где вчера был праздник. Для него это было то же самое, что заблудиться в трёх соснах.

«Кто же меня вычислил? – стал размышлять Сид. – Я так спокойно всё время передвигался по лесу, и его хозяин даже не догадывался обо мне. И вдруг... Впрочем, ничего страшного, просто потерял немного время, а у меня его – девать некуда».

Сид повернулся и направился обратно. Под утро почувствовал идущего человека, быстро принял облик парня, недавнего владельца одной из душ, и смело пошел навстречу.

– Здравствуйте! – произнёс он вышедшему мужику в потёртых джинсах и старой штормовке. – Заблудился я что-то. Дорогу найти не могу.

– Ты её никогда не найдёшь, сид несчастный, – спокойно ответил мужик. – В этом лесу я хозяин.

– Так ты, значит Леший, хозяин этого леса. И что от меня хочешь? – смело спросил Сид.

– Даю тебе два выбора. Первый. Будешь бесконечно плутать в моём лесу, а если всё же удастся выбраться, попадёшь к моему соседу или к Водяному. Короче, далеко ты не уйдёшь, и вечно будешь здесь скитаться.

– А второй?

– Возвращаешь души и больше не появляешься в нашей местности.

– Поздно души возвращать, – весело рассмеялся Сид. – Это до рассвета можно было сделать.

– Не поздно ещё. Мы не глупее тебя, если смогли во всём разобраться. Можешь пару деньков ещё здесь побродить, а можешь и навечно остаться. Выбирай!

– Сейчас выберу.

Сид огляделся, подошёл к берёзе в руку толщиной, сломал её, очистил от веток. Получилась палица длиной в человеческий рост. Он с огромной скоростью покрутил это оружие над головой и с улыбкой спросил:

– Что ты там про выбор говорил?

– Уж, не драться ли ты со мной собрался? – засмеялся Леший.

– Почему бы и нет?

И тут хозяин леса захохотал так, что деревья задрожали, затем закружился, становясь с каждым оборотом выше и выше. И вот уже перед Сидом стоит великан, выше деревьев ростом, длинные вислокоченные зелёные волосы как ветви дерева, лишайниковая борода, обросшее мхом лицо, толстая, как кора, кожа.

– Так значит, ты драться со мной хочешь? – Он вырвал с корнем огромную сосну, обломал крону. – Тогда защищайся.

Успел Сид отпрыгнуть, а на том месте от удара великана яма образовалась. Бросился пришелец в лес дремучий, а оттуда медведи, огромные, могучие.

– Разозлил ты меня, чужак, – прокричал Леший громовым голосом. – Теперь выбора у тебя нет.

На следующую ночь в окно Варвары раздался стук. Она улыбнулась, словно давно ждала этого визита и пошла открывать. На пороге стояло чудовище, похожее на снежного человека, выпавший снежок подчёркивал это сравнение.

– Заходи! – предложила ведьма, как старому знакомому.

– Значит, вот кто меня вычислил, – ухмыльнулся Сид. – В изощренный ум вашего хозяина леса я сразу не поверил.

– Что ж ты такой умный пришел без спроса в чужие владения и стал хозяйничать? – улыбнулась в ответ ведьма.

– Души человеческие нужны.

– Пришёл бы и попросил по нормальному – может, и договорились бы, а сейчас придётся вернуть.

– Твои верну, – согласился Сид и, подумав, добавил. – Я другие найду.

– Ну, ну! – улыбнулась ведьма. – Поживём, увидим!

Сид вновь ухмыльнулся и, не спрашивая разрешения, направился в соседнюю комнату, где на широкой кровати лежали бездыханные тела подростков. Он вынул нож и сделал разрез на своём левом запястье, из которого закапала кровь. Сид наклонил руку над лицом девушки и несколько капель упали на её губы, следующие – на губы парня. Читая непонятное заклинание, провел рукой по телу девушки, то же самое повторил с парнем. Затем сильно ударил их по щекам.

– Что это? – Ваня приподнялся, потряс головой и уставился на страшного колдуна.

И тут раздался пронзительный крик, проснувшейся Полины, прижавшись к парню, она с ужасом смотрела на ведьму и Сиду.

– Я пошёл, – ухмыльнувшись, произнёс тот и вышел из комнаты.

Такого праздника в деревне ещё не было. Увидев утром, в понедельник идущих Ивана и Полину мужики чесали свои тяжёлые от похмелья головы, вспоминая, что прошлой ночью, вроде, нашли их мёртвыми. Парни, кроме этого, вспоминали и драку с озёрскими, хвастаясь перед девчонками своими подвигами. А уж об Иване и Полине говорить нечего. Случившееся с ними они всю жизнь помнить будут и внукам своим расскажут. Кто ещё может похвастать, что на том свете побывал и с нечистой знавался. Одним словом, хоть праздник чужой, но удался на славу.

Он не вернулся к себе на родину, а пошел дальше на восток, вглубь русских лесов. Там много деревень, в которых толком не знали ни о проклятых сйда, ни о празднике Хэллоуин, ни о ночи Самхэйна. Тем не менее, люди справляли этот непонятный праздник, не задумываясь о традициях и возможных последствиях. Для них главное было веселье и раздолье праздника, чтобы широкая русская душа развернулась во всю ширь, что бы праздник этот запомнился надолго.

Он твёрдо решил остаться здесь навсегда. Он был умным Сидом.

Татьяна Сунцова. Зависть ведьмы

В стародавние времена в долине, окружённой холмами да лесами, жили люди ликом светлые, волосом русые. Сильные, статные, до работы хваткие: кто деревья валил, избы рубил, кто серпы ковал, кто горшки обжигал, а кто-то Богам в капище молился... Все были при своем деле. Через долину протекала река по прозванию Светлая. На берегу стоял Большой город, а во всей долине было несколько поселений. В одном из них в семье гончара дочь подрастала. Ещё девчушкой бегала, а старики говорили, что редкой красавицей растёт. Звали девицу Милавой. С малых лет отцу помогала. Научилась не только горшки да тарелки делать, но забавные игрушки – свистульки. Детишкам раздавала на потеху. А в семье дровосека рос – подрастал сын Ярослав. С малолетства был силен, а как юношей стал, равных ему по силе не было. Однажды на празднике Бога Солнца, когда молодёжь в хороводе вокруг костра кружилась, встретились взглядами дочь гончара и сын дровосека, и с тех пор молодец потерял покой. Не радовали его больше ни птичье пенье, ни журчанье лесных ручьёв...

Вскоре глава рода дровосеков – Добромысл объявил, что пришла пора для правнука Ярослава невесту искать. По заведённому издревле обычаю не мог жених сам себе невесту выбирать, за него это делали старшие. Будущую жену выбирали всем родом: чтоб здоровая, сильная была, в хозяйстве всё делать могла, чтобы потом достойно род продолжала. Выбрали для Ярослава плотникову дочь – Русину, старшую из четырёх дочерей. Девка была высока, в плечах широка, словно Боги сына отцу дать в подмогу хотели, да ошиблись немного. Так Русина вместо парня отцу избы рубить помогала. Так топором махала, только щепки летели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.